

Глава 1 ОХОТНИК И КНЯЖНА

Звонкий удар тетивы, глухой удар стрелы, попавшей в цель, треск веток и тяжелый удар оземь сбитого глухаря. Когда Радим подбежал к добыче, глухарь уже перестал трепыхаться. Но первым делом мальчик позаботился о стреле. Выдернул ее из птицы и с радостью убедился: целехонька. Широкий плоский

наконечник-срез так же крепко сидит в легком, собранном из двух половинок древке. Даже перья на хвостовике не повреждены.

— Добрый выстрел! — отец встал рядом, наклонясь, подхватил за лапы убитую птицу. — С тридцати шагов — наповал. И дичина добрая! На четверть пуда потянет!

Потом глянул сквозь листву на солнце и командовал:

— Нагулялись. Возвращаемся.

На поясе у отца уже висела низка из двух птиц — тетерки и цапли.

Радим, понятно, спорить не стал, хотя прошли они всего ничего. Волох, лесной бог, подарил им богатую добычу. На остаток дороги этого хватит. Они, считай, почти дома. До Плескова* — два дня пути.

Широкая спина отца в простой серой рубахе с обременной** вышивкой по рукавам и вороту — уже в пятидесяти шагах. Шаг у отца длинный, быстрый. Поспеть за ним нелегко. Да еще охотничьим бесшумным шагом. Но Радим — умеет. Под его ногой, обутой в шитый из мягкой кожи поршень, ни один сучок не хрустнет.

А вот и лагерь. Люд шумит, возы стоят не крúгом, а как придется, дым от костров не в кронах прячется, а прямо в небо уходит. Даже дозоров не выставили. Сразу видно, что дом уже близко.

Большой у них обоз. Двадцать восемь возов торговых и еще три — боярских. Боярина плесковского — князя Вардига. Дочь его Ольга из Киева домой воз-

---

* Плесков — ныне г. Псков.

** В языческие времена на одежде вышивали знаки, которые, как полагали, оберегали носителя одежды от злых чар.

коршны

обережная
вышивка

вращается. В Киев, понятно, Ольга не одна ездила — с отцом. Но князь на волоке остался, с кораблями, а дочь с попутным обозом поскорей домой отправил.

С Ольгой же отправились холопка и два настоящих воина-дружинника.

Радим всю дорогу возле дружинников крутился: любовался и завидовал.

Большая это сила — два дружинника. Да еще и не простых, а варяга. Такие вдвоем с семьей купеческими охранниками шутя управятся.

Заветная мечта Радима — вступить в княжью дружину. Да только непросто это, ой непросто! Из всех нужных умений у мальчика было только два: красться бесшумно да из лука бить метко. Это охотничьи умения, не воинские, хотя и для боя сгодятся.

С копьем да топором Радим тоже управляться умел, но по-охотничьи, не в поединке и не в воинском строю. Не возьмут Радима в дружину попросту. Он — сын охотника, а не воина. У воинов свои сыновья. Тех с пяти зим воинскому делу учить начинают. А чужих в дружину принимают редко. Иногда пришлых — умелых воинов. Или из ополчения лучших, кто в бою храбрость особую покажет.

Но князь плесковский вот уже много лет ополчения не созывал, дружиной обходился. А созвал бы нынче — все равно Радим годами не вышел для ополченца.

— Ого! — повар принял у Радима глухаря, взвесил на руке. — Хороша птица! Добрый охотник у тебя вырос, Первей!

— А то! — отец хлопнул Радима по плечу. — Беги, сын, княжна тебя зовет.

Для Ольги на дневках шатра не ставили: стелили наземь ковер болгарский. Однако княжна на нем

не засиживалась. Шустрая, быстрая, как ласка. То здесь, то там. И все ей интересно, и со всеми, не чинясь, поговорит.

С Радимом Ольга и вовсе подружилась, годами они близки — Радим на год старше всего, а что она — княжна, а он — сын охотника, так в дороге это не важно. В походе князь и смерд из одного котла едят, под одним небом спят, одних и тех же комаров кормят.

— Радимка! Иди сюда!

Ольга взобралась на камень, что на берегу ручья, — не там, откуда они воду брали, а немного в стороне. И как только пробралась через осоку!

Радим тут же понял как: вон тропинка звериная в камышах, к водою.

Выбравшись на топкий берег, Радим невольно залюбовался — красива княжна! Рубаха красная, яркая, толстая русая коса переплетена лентами, унизанными крошечными серебряными монетками. Серебро блестит на груди и на поясе с пряжкой-соколом, мягкие сапожки расшиты стеклянным бисером. Личико княжны нежное, румяное. Холопка всю дорогу следила-оберегала госпожу от солнца, чтоб не потемнела белая кожа. Нежна и тонка Ольга, но взгляд умный, твердый. Княжна, сразу видать.

— Смотри, что нашла, — Ольга показала на сырой песок. — Чей след?

— Лиса, — ответил Радим. — Свежий. А это — след косули. Старый, вчерашний.

— Вот эта ямка?

— А ты приглядишься — видишь, она раздвоенная?

— А это что за вмятина глубокая рядом?

— Это от сапога. Видать, из варягов твоих кто-то наследил.

Ольга восхищенно покачала головой:

— Как ты это делаешь?

— Просто смотрю, — пожал плечами мальчик. — Отец говорит: «Будь внимателен — ничего не упустишь». Вот ты на песок не наступала, а я все равно понял бы, что ты тут побывала.

— Как? — с любопытством спросила Ольга. — Я на камушке стояла, моих следов здесь нет.

— А вот как, — и показал на что-то почти невидимое, прозрачную искорку в песке.

Ольга пригляделась и увидела крошечную прозрачную бисеринку — должно быть, оторвалась от вышитого сапожка.

— Какой глазастый! — восхищенно заметила княжна. — А меня так научишь?

— Могу. Но зачем тебе? — с сомнением спросил Радим.

Именитые не высматривают следы на влажной земле и у водопоев. Они охотятся с соколами, устраивают конные облавы. Им охота — не хлеб насущный, а развлечение. А надобно знатным что-то на земле прочитать — позовут следопыта.

— Хочу понимать все знаки, сколько их есть на свете, — сказала Ольга не без вызова. — Знаешь, как досадно, когда что-то написано, а прочитывать не можешь? Другие могут, а ты нет. Обидно!

Княжна сорвала с березы сухую ветку и нарисовала на песке три черты домиком.

— Вот что это? — спросила она.

— Не знаю, — признался Радим.

— Это ромейский знак «альфа». Я все ромейские знаки знаю, — похвасталась она.

Радим пренебрежительно поглядел на чужеземный знак на песке.

— Ромейские руны... Слышал. Не трать время, — посоветовал он, — пустые они.

— Почему это? — удивилась Ольга.

— В них нет силы. Варяг Сивард рассказывал: был у него раб из ромейских жрецов. Все что-то бормотал по-своему да руны на обрывке кожи чертил. А потом взял да и помер. Не очень-то руны ему помогли!

Радим хмыкнул, подумал немного и добавил:

— Зато уж кто силен в рунах, так это нурманские да ваши — варяжские — колдуны и ведьмы! Видела, у Сиварда весь щит тайными знаками расписан? Он давеча хвастался: одна руна силу и крепость дает, другая меткость, третья в бою защитит.

— Не защитит, — насмешливо возразила Ольга. — Уж не знаю, кто Сиварду щит расписывал, только дурень этот начертил «эйваз», руны защиты, неумело да косообо. И получилась у него совсем другая руна — «град», знак гибели и разрушения. Не думаю, что такая руна щиту поможет. Да и хозяину тоже.

Радим глянул на Ольгу уважительно и даже с опаской — как на чародейку.

— Ты и варяжские руны знаешь?!

— А то, — гордо кивнула Ольга. — С детства учили. Олег Киевский, как узнал, что я обучаюсь грамоте у моравских монахов, умею говорить по-ромейски да по-нурмански, — восхитился. Так и сказал батюшке: «Ну и сокровище у тебя растет, Вардиг!»

— Олег? Князь-правитель Киева?!

— Он, — подтвердила княжна. — Мы с батюшкой были у него в гостях. Батюшка о делах с ним разговаривал, а я по сторонам во все глаза смотрела. Какие там палаты — каменные! В окнах — цветная слюда! На одной стене лев нарисован — морда у него, как человеческое лицо...

— И князя Игоря, наследника, видела? — спросил Радим.

— Нет. Он на охоте был...

Радим задумчиво поглядел на княжну, невольно вспомнив, что говорили между собой воины-варяги: «Олег Киевский властью делиться не желает. Рюрика, князя покойного, волю не чтит, удачу сына его Игоря себе забрал».

«Какое мне дело до князей, — подумал Радим ожесточенно. — Нас, лесовиков, это все не касается». В дружину-то его все равно не возьмут...

— А тот кусок кожи, на котором монах руны чертил, Сивард куда дел, не знаешь? — спросила Ольга, палочкой рисуя рядом с ромейской руной другую.

— Почему я знаю? Сожгли, наверно, а пепел в реку выкинули.

— Жаль. Я бы глянула, что он там начертал. Ромейские знаки не только для ворожбы. Ими можно записывать разные истории, передавать послания...

— Как это?

— Как бы объяснить-то... Вот ты видишь след — значит тут кто-то побывал. Вот тебе и послание.

— Следы-то все разные, а руны — одинаковые, — возразил юный охотник. — Не понимаю.

— Ну и ладно, — отмахнулась Ольга. — Пошли в пенек ножички покидаем?

Но тут на берег пришла холопка Ольги — чудинка Дайна:

— Госпожа, ужин поспел!

Глава 2 СТРАННЫЙ СЛЕД У РУЧЬА

Последние лучи солнца скрылись за лесом. Сразу похолодало, воздух зазвенел от комаров. Все, кроме дозорных, укладывались спать, а Ольга засиделась возле костра. Она смотрела на огонь и думала, что удивительное путешествие в Киев заканчивается, и впереди — обычная жизнь... Когда еще доведется

попутешествовать? Разве что когда замуж отдавать будут. А потом — сиди в терему, никуда ни ногой!

Ольга упрямо нахмурилась. Женская доля ее не пугала, но и не радовала. Мужние жены до самой старости заняты только домом да воспитанием детей. Понятно, у знатных и дом побольше, и дела тоже, но всю жизнь — одно и то же. Вот и матушка Ольги так и живет. Все хозяйство на ней. И Ольгу тому же учит. Тут уж ничего не поделаешь — надо.

Но хуже всего — рукоделие. Например, прясть.

Прясть! Ольга поморщилась. Ничего более скучного она и представить себе не могла. А первый спряденный ею колючий моток все равно пришлось пустить по воде — отдать в дар Мокоши, всеобщей матери.

— Мокошь так же сидит в своем облачном терему в небесном Ирии* и прядет нити наших жизней, — объяснила матушка. — А потом из них ткет многоцветный ковер Судьбы. Поэтому прядение — ремесло священное. Когда научишься прясть, займешься ткачеством во славу богини...

Но Ольга ни прясть, ни ткать не хочет! Куда интереснее учить буквы, скакать на коне, самой править лодочкой-плоскодонкой и путешествовать по чужим землям. Княжне хочется узнать все — особенно то, чего нельзя.

— Почему так несправедливо? — пробормотала она, покосившись на варягов. — Мужам — война, странствия! А жены сидят всю жизнь в терему...

— Тебе ли, боярышня, о том сокрушаться? — укоризненно отозвался Сивард. — Понятно, будь ты

---

* Ирием язычники называли рай.

хоть княгиня, а женский удел тот же. Но пока князь в военном походе или на полюдьё, кто управляет его уделом? Жена — и никто другой!

— Может, я тоже хочу в поход... — проворчала Ольга.

Бразд, молодой варяг, только в прошлом году поступивший на службу к Вардигу, засмеялся:

— Ты никак за князя замуж собралась, дева?

— А за кого ж еще? — гордо вскинула голову Ольга. — Мой прадед Гостомысл Ладогой еще до Рюрика правил! Дед мой Трувор, родич Рюриков и ближник, Изборск и Плесков в княжение от Рюрика получил! Мои родичи в Киеве и Новом Граде правят!

Бразд усмехнулся:

— А не мала ль ты летами для замужества, княгиня великая?

— А вот и нет! — Ольга даже ножкой топнула, осердясь. — Да ко мне уже сватался один князь, если хочешь знать!

— Какой такой князь?

— Князь эстов! Арн... как его там...

Бразд покосился на Сиварда. Тот кивнул:

— Было дело. В прошлом году посватался один... чудин. Князь — не князь, а в тех землях человек не последний. Князь Вардиг ему, конечно, дал от ворот поворот. Сказал: «Не князь ты, а дикарь косматый, вчера силки на рябчиков ставил, а сегодня с такими же космачами из лесу вышел и владыкой себя вообразил!»

Бразд засмеялся. А старший варяг, помолчав, сказал:

— Я думаю, зря князь так с ним обошелся. Арво — человек гордый. И злопамятный...

За спиной Ольги кашлянула Дайна — она уже давно стояла рядом, держа тёплый шерстяной плащ: закутать Ольгу, когда та отойдет от костра.

Заботлива Дайна, но в глазах у нее беспокойно. Кажется Ольге: есть в холопке тайна, непонятность. Может, потому, что чудинка? Вот кривичи — те свои, понятные и говорят понятно, по-словенски. Чудь — другая.

По другую сторону костра, где сидели Сивард и Бразд, вдруг внезапно возникла из темноты невысокая светлая фигура. Радим.

— Что встал, парень? — добродушно произнес молодой Бразд. — Давай к костру.

— А что князь этот, Арво? — спросил он. — Вправду, что ли, охотником был?

— Может, и был, — Бразд повернул сушившиеся у костра сапоги другой стороной. — Из леса вышел с родовичами своими и в Колывани сел. Хочешь больше узнать, у Дайны спроси. Она тоже чудинка.

— Не Колывань, а Калеван-линна, всё вы перековеркаете, — проворчала Дайна. — Крепость Калева-богатыря. А в князи из простых выйти — незорно. Такие князья повыше тех будут, что без труда, по одному лишь родству князьями стали.

Варяги засмеялись:

— Да ты, Дайна, небось, тоже в княгини метишь! — заявил Бразд. И оба развеселились еще пуще.

Ольга тоже улыбнулась, а Радим — нет.

— Значит, — сказал он, — можно и из охотников в князья выйти?

— Вот еще один о княжьем столе мечтает! — хохотнул Бразд. — А ты попроси Вардига, малой. Может, отдаст за тебя Ольгу?

— В князья мне не надо, — буркнул Радим, обидавшись. — Я в воины хочу. В дружину. Вот чем это таким воин от охотника отличается? Будто охотника нельзя научить строй держать да мечом рубить?

Бразд похлопал мальчика по плечу:

— Воин не только тот, кто оружием знатно владеет, — сказал он. — Воин — это дух воинский. Воина победить нельзя. Убить — можно. Победить — нет. Воин не отступит даже тогда, когда враг многожды сильнее. Даже когда пути к победе нет, а есть только путь чести и славы, воин все равно не отступит. И тогда — как знать... Может, и откроется ему не только дорога в Ирий, но и земная тоже. Боги любят храбрых и могут подарить храбрецу немного удачи.

— Так и есть, — подтвердил слова младшего варяга Сивард. — Это и есть воин. Пока жив — не сдавайся. Бейся. Из последних сил. И когда сил не останется — не отступай. Не сдавайся. Сможешь ты так, парень?

— Не знаю... — проговорил Радим, — но я постараюсь.

— Уж постарайся! — Сивард пропустил меж пальцев длинные варяжские усы и вдруг спросил:

— А скажи, парень, чем тебе наши сапоги глянулись? Зыркаешь да зыркаешь на них.

— След я видел, — пояснил Радим, обрадовавшись, что разговор свернул на понятную тему, — у звериного водопоя, где камыш высокий, я видел след от воинского сапога. Думал, что из вас кто-то, а теперь вижу — чужой это был.

— Не ошибся, парень? — спросил Бразд.

— Ты ходил через камыши, Бразд? — опередил возмущение Радима старший воин.

— Зачем это мне? — хмыкнул молодой варяг.

— И я не ходил.

— Нас не было, а след — есть. Есть?

— Есть! Я тоже его видела, — вмешалась Ольга.

— Может, ты и наступила? — Бразд зевнул. — Ты тоже в сапожках.

— Что ж я след княжны от мужского не отличу? — обиделся Радим. — Большой след, глубокий. Еще вот так пяткой вперед повернут. Видать, нога у чужака с камня соскочила.

— Пяткой вперед? Так, может, это леший его оставил? Всем известно, кто пятками вперед ходит, — Бразд засмеялся. Сивард — тоже.

Радим надулся и помрачнел.

— Не дразните его, — потребовала Ольга. — Он — охотник. Следы знает получше вашего! Говори, Радим!

Варяги перестали смеяться.

— Это не леший! — заявил Радим сердито. — Это чужой след! И свежий!

— Пойдем-ка глянем, — решил Сивард и вытащил из костра горящую ветку.

Двое варягов и мальчик направились к берегу.

Ольга смотрела, как удаляется огонек, и ей почему-то становилось не по себе. Словно кто-то сверлит недобрый взглядом спину.

— Госпожа! Пора спать, госпожа! — резко сказала Дайна.

Ольга глянула на чужинку и увидела, что та обеспокоена. Очень обеспокоена.

Холопка накинула на нее плащ. Слишком резко: застежка больно хлестнула по щеке.

«Ей тоже не по себе», — подумала Ольга.

— Не бойся, — сказала холопке княжна. — Варяги нас в обиду не дадут!

Дайна ничего не ответила.

Видать, совсем перепугалась.

А в камышах, в неверном свете горящей палки варяги рассматривали загадочный след.

— Пес тут разберет! — с досадой сказал Бразд, чуть не носом водя по песку. — Ямка и ямка! Что ж ты раньше не сказал, пока светло было?

— Думал, ваш это, — буркнул Радим. — У вас обувь схожая.

— Он прав, — сказал Сивард, поднимая голову. — Это воинский сапог. Видишь? Носок острый, каблук...

Радим посмотрел на варягов, и по спине у него пробежал холодок. Воины признали его правоту и в один миг изменились: сосредоточились, посуровели. Только что были добродушные, веселые, свои — стали чуткие хищные волки...

И такая нехорошая тишина вокруг! Ни голосов, ни лошадиного ржания. Хоть бы лягушка квакнула... Странная тишина, словно натянутая тетива...

Шевельнулся и выпрямился Сивард — видать, не учуял ничего опасного. Пока.

— Возвращаемся, — вполголоса сказал он. — Сегодня быть начеку... И вздеть брони — не помешает.

— Да, старший, — так же негромко отозвался Бразд.

— А я? — спросил Радим.

— А ты спать иди, — посоветовал Бразд. — Ты молодец, парень. Свое дело сделал. Дальше — наш черед.

И Радим пошел спать. Но уснул не сразу. Долго ворочался, думал о том, что Бразд сказал.

Даже когда пути к победе нет, а есть только путь чести и славы, воин все равно не отступит. Умрет, но не сдастся.

А вот сможет ли он, Радим, вот так? Хватит ли духу? Как узнать? Вот бы проверить...

Глава 3 НОЧНАЯ БИТВА

Радим проснулся от криков. Спросонья не понял ничего. Вопли, ржание коней, грохот и звон железа. Выглянул из шатра и увидел — у Ольгиного шатра бьются! Варяги — с какими-то чужаками. Костер еще не погас: Радиму видно было очень хорошо.

Чужих было много — с дюжину, не меньше, но добраться до шатра они не могли. Варяги стояли крепко, щит к щиту. Мечи их так и мелькали.

Радим вмиг натянул поршни, схватил лук, но набросить тетиву не успел. Из темноты выскочил человек — и прямо на него! С дурным воплем замахнулся секирой...

Достать оцепеневшего от неожиданности Радима враг не успел. Сбоку ударило копьё, вонзилось чужому в грудь.

Батя стряхнул чужого с копьё, толкнул Радима плечом:

— Беги, сын!

Радим подхватил лук, колчан, хотел кинуться к шатру, на помощь варягам, но отец перехватил его:

— В лес беги, туда! — окровавленное железко копьё указало в сторону леса.

Радим замотал головой.

Прилетевшая из темноты стрела свистнула над ухом.

— Падай!

Батя сшиб Радима с ног и сам тоже упал.

Запели в темноте новые стрелы. Теперь уже — над ними.

— Не побегу! — яростно выкрикнул Радим.

